

Следующий миг — он внезапно обернулся и произнёс:

— Ты куда собралась?

Чжу Янь, которая как раз собиралась улизнуть, вздрогнула всем телом.

— Ха. — Шэнь Чжи снова издал короткий смешок. Но этот смех был совсем не похож на тот, что он адресовал мужчине мгновением ранее. Чжу Янь чувствовала: в нём не было ни капли злобы. Казалось, он просто решил над ней подшутить.

— Уходи, — спустя мгновение добавил Шэнь Чжи. — И никогда не возвращайся в Мочжоу.

Чжу Янь медленно повернула голову. Её лицо исказилось от волнения, глаза постепенно налились кровью, и она прошептала:

— Но... Лань... Лань...

— Лань Юйтан? — уточнил Шэнь Чжи.

Услышав это имя, Чжу Янь вдруг замерла. Прежняя растерянность и страх исчезли из её глаз. Она повернулась к Шэнь Чжи и кивнула.

Шэнь Чжи помолчал, а затем сказал:

— Ответь мне на пару вопросов, и я помогу тебе убить его.

Чжу Янь опешила:

— На какие вопросы?

— Ты знакома с Цинь Цзыцзином? — когда он произнёс это имя, его голос невольно похолодел.

Чжу Янь вздрогнула, но опустила голову и промолчала.

— Думаешь, если ты молчишь, я не догадаюсь? — насмешливо бросил Шэнь Чжи. — Это он подсадил тебе проклятие лютых призраков, верно? Ты что-то ему отдала? Дай угадаю... неужели это было оно?

Как же он был глуп, что когда-то поверил байкам Цинь Цзыцзина про тяжело раненного демона-моллюска!

Поняв, что он угадал почти всё, Чжу Янь подняла голову. На глазах у неё выступили слёзы:

— Господин Цинь хотел мне помочь! Если бы не он, я бы никогда не смогла отомстить!

Шэнь Чжи хмыкнул:

— Если бы он действительно хотел помочь, почему сам не отомстил за тебя? Зачем ему было превращать тебя в нечто среднее между человеком и призраком?

— Не вините господина Циня! Это я сама выбрала путь лютых призраков, — всхлипывая, возразила Чжу Янь. — Я... я всё равно не хотела жить.

Она рыдала, и слёзы градом катились по её лицу, но Шэнь Чжи всегда был лишён сострадания и не умел жалеть слабых. Он холодно отрезал:

— Мне плевать, хотела ты жить или нет. Отвечай: где ты взяла эту вещь?

Чжу Янь замерла. В её воспоминаниях, ещё до того как она стала призраком, она была куда сговорчивее. Смутившись, она пробормотала:

— Я отправилась в дальний путь, и когда проходила мимо одной горы, некий человек отдал её мне. Но позже, вернувшись в Мочжоу, я услышала, что он — великий демон, враг всего мира совершенствующихся, и побоялась выставить эту вещь напоказ. А в тот день, глядя на неё и предаваясь печали, я решила выбросить её, но случайно попала на глаза господину Циню.

Чем больше Шэнь Чжи слушал, тем сильнее у него раскалывалась голова. Подумав мгновение, он спросил:

— Кто тебе её дал?

Чжу Янь не хотела говорить, но под его настойчивым взглядом горько усмехнулась:

— Ладно. В конце концов, я уже мертва, да и он тоже. Рассказать тебе будет несложно: его фамилия Шэнь, зовут его Шэнь Даохэн.

— ...

— Что ты сказала? — выражение лица Шэнь Чжи стало сложным.

Чжу Янь охватил трепет. Этот человек явно был адептом праведного пути, но почему от него веяло большим ужасом, чем от демонов? Она дрожащим голосом повторила:

— Я сказала, что человек, который дал мне её тогда, звался Шэнь Даохэн.

— Невозможно! — Шэнь Чжи нахмурился.

Чжу Янь испугалась и тут же замолчала. Она решила, что у этого человека, должно быть, не всё в порядке с головой: сам потребовал ответа, а теперь не верит.

Шэнь Чжи же выглядел так, словно потерял рассудок. Он резко схватил Чжу Янь за плечи и прорычал:

— Ты... он... когда он тебе её отдал?

— Лет десять назад, наверное... это было очень, очень давно...

Она могла лишь смутно припомнить то лето десять лет назад. Тогда прошёл страшный ливень, и она, пытаясь перебраться через безлюдную гору к соседней деревне, попала под проливной дождь. К счастью, поднявшись на вершину, она увидела хижину, в которой горел свет. Дрожа от страха, она постучала в дверь.

Дверь открыл мужчина в белых одеждах, стройный и статный. Чжу Янь помнила, что он был очень бледен, выглядел болезненно, но стоило ему увидеть её, как в его персиковых глазах мелькнула улыбка:

— Красавица под дождём — неужели ко мне наконец повернулась удача?

Я жду тебя.

В павильоне Фэйхуа лицо Лань Юйтана стало белым как бумага. Он думал: если этот человек — наставник Шэнь Чжи, то он как минимум уровня Зарождающейся Души, а он только что попался ему на глаза, когда пытался испортить меч. Если он вернётся и расскажет Ли Хуайфэну, а тот доложит Наблюдателю за Бессмертными... их семью Лань наверняка изгонят из Мочжоу, и они больше не смогут управлять землями как клан совершенствующихся!

— Бессмертный... наставник, — он упал на колени, со лба его градом катился холодный пот. — Это... это всё недоразумение...

Если бы он сказал это пару лет назад, Инь Линцзюнь, возможно, поверил бы. Но с тех пор как Шэнь Чжи вернулся, Бессмертный Владыка Сюаньлинь засел в библиотеке за книгами о самосовершенствовании и освоил базовую технику Вопросания Судьбы. Он плохо запоминал людей и события, но зубрил тексты с пугающей скоростью. Всего за несколько дней он вник во все основы.

Инь Линцзюнь равнодушно произнёс:

— Недоразумение?

В его голосе не было ни тени эмоций. Лань Юйтан не мог понять, разгневан тот или нет. Он уже собрался придумать оправдание, как вдруг услышал ясный, весёлый голос:

— Какое ещё недоразумение? Глава клана Лань, не расскажете ли мне?

Лань Юйтан резко поднял голову и увидел, что Шэнь Чжи, неизвестно когда очнувшийся, сидит с полуулыбкой на лице, лениво вертя в руках мешочек для удержания душ. Он на мгновение замер, обернулся, чтобы посмотреть на Чжу Янь, но той и след простыл.

Чжу Янь... была усмирена этим даосом, который даже не достиг стадии возведения фундамента?

Он пришёл в восторг и, забыв, что Шэнь Чжи использовал технику Совместной Судьбы, вскочил на ноги:

— Не зря вы из секты Четырёх Пейзажей, господин Шэнь, поистине выдающееся мастерство! Я немедленно велю накрыть пир, чтобы достойно принять двух бессмертных наставников!

Шэнь Чжи рассеянно кивнул.

Но стоило Лань Юйтану отвернуться, как взгляд Шэнь Чжи стал мрачным и злым. Впрочем, вспомнив, что Инь Линцзюнь стоит позади, он быстро спрятал ярость. Взглянув вниз, он увидел в руках Инь Линцзюня веточку персика, до боли похожую на ту, что он сам сорвал на днях. Шэнь Чжи усмехнулся:

— Неужели Бессмертный Владыка так любит персики? Глядя на убранство в Сюэ Игэн, я решил, что вам больше по душе сливы.

Инь Линцзюнь опешил. Он переживал, что Шэнь Чжи спросит, почему он здесь, и долго ломал голову над тем, стоит ли говорить правду... но не ожидал, что первым вопросом будет именно этот.

Он невольно сжал персиковую ветвь, не зная, что ответить. Увидев, что Шэнь Чжи собирается уходить, он в смятении произнёс:

— Нет.

Шэнь Чжи повернул голову:

— М?

Голос Инь Линцзюня оставался ровным, но звучал мягко, словно журчащий ручей:

— Когда я впервые попал в Сюэ Игэн, Даоцзунь спросил, какие деревья я хочу посадить. Тогда я не знал, какие деревья бывают в мире людей, и ответил, чтобы он сажал что хочет. С тех пор... в Сюэ Игэн повсюду цветут сливы.

Шэнь Чжи приподнял бровь:

— И одежду вам тоже Даоцзунь покупал?

— Угу.

— И комнату он обустроивал?

— Угу.

Шэнь Чжи молча выслушал и вдруг рассмеялся:

— Даоцзунь прямо-таки нянька с материнским сердцем.

Инь Линцзюнь снова замолчал. Но когда он молчал, это никогда не было простым молчанием — он своим драконьим сердцем, которое не умело скрывать секретов, мучительно пытался разгадать намерения Шэнь Чжи. Он будто вернулся в те дни, до того как они стали супругами: тогда он никак не мог понять, почему его ученик постоянно улыбается, хотя внутри него порой бушует гнев.

Но с тех пор как они связали свои судьбы, Шэнь Чжи никогда не заставлял его гадать.

Он помнил ту ночь, когда они совершили свадебный обряд. Шэнь Чжи, чьи глаза покраснели от вина, игриво вскинул брови и, грациозно взмахнув широким рукавом, сказал:

— Раз уж мы стали супругами, наставник, я больше не буду вас мучить. Хм... как насчёт такого? Если я буду чем-то недоволен, я буду шептать вам прямо на ушко. Так ведь проще, правда?

Уши Инь Линцзюня мгновенно покраснели:

— ...Угу.

— Ничего, наставник! — пьяный юный Шэнь Чжи сжал его руку, положил её на свой пояс и, теребя его рукав, пробормотал: — Я всему вас постепенно научу... ик... но сейчас вам нужно усвоить одну вещь.

Он говорил всё тише, и Инь Линцзюнь наклонился ближе, спросив низким, взволнованным голосом:

— Чему?

Шэнь Чжи рассмеялся:

— Как уложить меня в постель.

— ...

— Бессмертный наставник? Наставник?

Голос вырвал Инь Линцзюня из воспоминаний. Он вздрогнул, взгляд его на мгновение оставался рассеянным, пока он не понял, что Лань Юйтан обращается к нему. Он холодно ответил:

— Угу.

Лань Юйтану стало неловко, но он продолжил:

— Не знаю, как мне величать вас?

Инь Линцзюнь не питал к нему симпатии, поэтому просто назвал своё имя:

— Сюаньлинь.

— ...А? — глаза Лань Юйтана округлились. Он вскочил на ноги и в изумлении воскликнул: — Вы... вы... неужели вы тот самый Бессмертный Владыка Сюаньлинь из Сюэ Игэн?

Шэнь Чжи отставил чарку, которую всё это время держал в руках, повернулся к Инь Линцзюню и тихо проговорил:

— Похоже, слава Владыки гремит повсюду.

Инь Линцзюнь ответил:

— Я не знал.

Шэнь Чжи усмехнулся:

— Вы вообще мало о чем знаете. Смотрите, он так взволнован, что сейчас бросится вас обнимать. Может, мне отойти?

Он сказал это просто так, в шутку, но Инь Линцзюнь, похоже, воспринял слова всерьёз. Он тут же протянул руку, ухватился за рукав Шэнь Чжи и произнёс:

— Нет.

Не успел он закончить, как Лань Юйтан подошёл к ним и отвесил глубокий поклон:

— На том легендарном пиршестве десяти тысяч демонов я не видел своими глазами, как вы сражались в одиночку против сотни, но наслышан о вашем величии. Не думал, что вы, никогда не спускавшийся в мир смертных, почтите своим присутствием мой скромный дом. Это великая честь для клана Лань.

Осыпав комплиментами Инь Линцзюня, он повернулся к Шэнь Чжи и с похвалой добавил:

— Господин Шэнь, вы оказались учеником самого Владыки, неудивительно, что в столь юном возрасте достигли таких высот.

Шэнь Чжи стало тошно от этих слов, он отложил палочки, но вдруг почувствовал, как кто-то зацепил его за мизинец.

Он обернулся и увидел, что Инь Линцзюнь, пока Лань Юйтан низко кланялся, приподнял капюшон и смотрит на него светлыми глазами. Шэнь Чжи инстинктивно спросил:

— Что такое?

— Когда мы уходим? — Инь Линцзюнь, подражая ему, тоже перешёл на шёпот.

Шэнь Чжи не сдержал улыбки:

— Владыка, вы ведь Владыка. Естественно, уходите, когда пожелаете, кто посмеет вас остановить?

Инь Линцзюнь спросил:

— А ты?

— Я? — Шэнь Чжи моргнул. — Конечно, доем обед. Владыка, вы не знаете, в Четырёх Пейзажах еда для учеников просто отвратительная. Это — лучшее, что я ел за последние месяцы.

Инь Линцзюнь действительно не знал, чем кормят учеников в Четырёх Пейзажах. Эти мирские радости не привлекали его, но, видя, что Шэнь Чжи доволен, он тоже взял палочки и принялся медленно есть кусочки мяса.

Учитель и ученик уткнулись в тарелки, совершенно игнорируя Лань Юйтана. Тот, впрочем, не чувствовал себя оскорблённым: раз уж он увидел самого Бессмертного Владыку Сюаньлиня, то, если угодит ему, может, получит в награду какую-нибудь пилюлю бессмертия для совершенствования.

Шэнь Чжи, заметив, что Инь Линцзюнь ест с небывалым усердием, прищурился:

— Вкусно, Владыка?

— Угу, — кивнул Инь Линцзюнь, но добавил: — Но не так вкусно, как то, что даёт мне Даоцзунь.

Шэнь Чжи стало любопытно:

— О? И что же он вам даёт?

Инь Линцзюнь на мгновение задумался, подбирая слова, а потом ответил:

— У него восемь ног, и он ходит боком.

— ...Восемь ног... краб, что ли?

Инь Линцзюнь быстро закивал:

— Угу.

Шэнь Чжи спросил:

— А кроме крабов?

— Много чего, но я люблю только крабов.

Шэнь Чжи: «...»

Ты же дракон, почему твоя любимая еда — крабы?!

Обед длился больше часа. Когда столы убрали и Лань Юйтан разогнал слуг, он увидел, что Инь Линцзюнь собирается встать, и поспешил к нему:

— Наставник, прошу, останьтесь...

Но не успел он договорить, как между ним и Инь Линцзюнем возникла фигура Шэнь Чжи.

— Глава Лань, Владыка человек занятой, вряд ли у него есть время болтать. Давайте лучше мы с вами побеседуем?

Лань Юйтан засуетился:

— Господин Шэнь, у меня дело жизни и смерти, не до шуток сейчас! — Он вдруг что-то вспомнил, пошарил за поясом, достал маленький фарфоровый пузырёк и протянул его: — О,

вот, это Вода Средоточия, возьмите.

Он сунул пузырёк в руку Шэнь Чжи, полагая, что тот, получив награду, отступит, но Шэнь Чжи остался стоять как вкопанный.

Шэнь Чжи, сжимая флакон, улыбнулся:

— У меня тоже есть дело жизни и смерти, которое я хотел бы обсудить.

— Какое... какое? — опешил Лань Юйтан.

— Техника Вопросания Судьбы спрашивает не только о прошлом Чжу Янь, но и о прошлом главы клана Лань, — Шэнь Чжи сделал несколько шагов к нему. — Я тоже не святой, просто беру деньги за услугу и решаю проблемы.

Сказав это, он вдруг замолчал и оглянулся на Инь Линцзюня, который всё ещё стоял неподалёку.

— Владыка, подождите меня за воротами поместья Лань, — подумав, он добавил, словно оправдываясь: — Впрочем, можете не ждать, я просто боюсь...

— Хорошо.

Инь Линцзюнь ответил:

— Угу.

Шэнь Чжи проводил его взглядом. Неизвестно почему, глядя на спину Инь Линцзюня, он почувствовал, как нечто тяжёлое, словно камень, навалилось на сердце. Лишь когда аура Инь Линцзюня окончательно исчезла, он смог вздохнуть.

На самом деле, с момента перерождения, каждый раз, видя Инь Линцзюня, он испытывал это чувство.

— Вина.

Даже будучи человеком бездушным и жестоким, он не мог отрицать: он испытывал к Инь Линцзюню глубокую, идущую из самых недр души вину. Это чувство было выжжено в его костях, даже когда он потерял память. Возможно, потому, что, сбегая из Четырёх Пейзажей, он ранил Инь Линцзюня.

И он не знал... что это была за рана.

— Наставник! Наставник! — Лань Юйтан, увидев, что Инь Линцзюнь почти вышел из бокового зала, бросился вдогонку, но стоило тому переступить порог, как дверь с грохотом захлопнулась.

— Лань-лан, Лань-лан. — Свет ламп в комнате начал гаснуть. Лань Юйтан, услышав голос, резко обернулся и в неясном полумраке увидел женскую фигуру в красном. Его глаза расширились, он попятился: — Господин Шэнь! Господин Шэнь! Как она выбралась? Вы... вы...

Обернувшись, он увидел Шэнь Чжи, который стоял в стороне, сложив руки на груди, и с усмешкой наблюдал за происходящим.

Сердце Лань Юйтана похолодело, но он обрёл невиданное доселе спокойствие. Помолчав, он холодно рассмеялся:

— Вы... вы заодно! Ты и этот призрак — заодно! Я расскажу Ли Хуайфэну, и тебе тоже не жить!

— О чём вы, глава Лань? — вкрадчиво спросил Шэнь Чжи. — Как я могу быть заодно с призраком? Очевидно, что я не смог её одолеть, и лишь ценой собственной жизни, при помощи Бессмертного Владыки Сюаньлиня, мы смогли её усмирить. А вы, к несчастью, были убиты до того, как Владыка успел вмешаться.

Лань Юйтан дрожащим голосом проговорил:

— Ты... — не успел он излить свой гнев, как Чжу Янь бросилась на него. У Лань Юйтана не было с собой меча, он пытался отбиваться голыми руками, но знал, что его духовная сила ничтожна против ярости лютой призрачной девы. Он пятился, умоляя: — Янь-эр, это я, твой Лань-лан! Посмотри на меня! Мы вместе росли, мой отец подобрал тебя, когда ты была совсем маленькой, ты всегда плакала, а отец вставал по ночам, чтобы утешить тебя...

Чжу Янь поначалу не реагировала, но стоило ему упомянуть старого главу клана Лань, как её движения замедлились.

Лань Юйтан ухватился за этот шанс, влил остатки сил в талисманы сжигания плоти и швырнул их в неё. Когда Чжу Янь поняла, что происходит, было поздно. Она уже приготовилась исчезнуть в небытии, как вдруг перед ней мелькнула синяя тень.

Раздался грохот, а затем воцарилась мёртвая тишина.

— Кхе.

Шэнь Чжи нахмурился, прикрыл рот рукой, и сквозь пальцы тут же просочилась кровь. Яркие алые капли упали на одеяния секты Четырёх Пейзажей, забрызгав даже белоснежные сапоги.

Чжу Янь замерла, а затем в ужасе вскрикнула:

— Господин Шэнь?! — она шагнула к нему, но Шэнь Чжи преградил ей путь рукой.

Шэнь Чжи чувствовал, как внутри груди всё горит. Он поднял голову, вытер кровь с губ и холодно произнёс:

— Не говори мне, что ты вспомнила старые чувства и не хочешь его убивать. Иначе он умрёт ещё более мучительной смертью.

Услышав это, Лань Юйтан совсем потерял рассудок:

— Ты никакой не ученик без стадии фундамента! Не боишься, что я расскажу... — не успел он договорить, как почувствовал резкую боль в груди и отшатнулся, выплёвывая кровь. Только сейчас он осознал: рана Шэнь Чжи, он сам получил удар в жизненно важные органы. Пока он ошеломлённо стоял, Чжу Янь уже оказалась перед ним.

Лань Юйтан схватился за грудь, пытаясь отступить, но ноги словно приросли к полу. Он отчаянно мотал головой, надеясь, что Чжу Янь снова проявит милосердие. Но в этот раз он не мог ни говорить, ни поднять головы, чтобы она увидела в его глазах отчаяние и мольбу.

В тот миг, когда кровь в его теле почти иссякла, он услышал, как Чжу Янь едва слышно прошептала:

— Прощай навеки, Лань-лан. В этой жизни и в следующей.

За дверью бокового зала стояли адепты клана Лань, но из-за барьера, установленного Шэнь Чжи, они ничего не слышали. Они ждали до самого заката, и наконец их начало одолевает беспокойство: почему глава до сих пор не вышел? Но, помня строгий запрет, они не смели войти.

Спустя ещё полчаса пришёл главный управляющий Цзинь. Он вырос на глазах у главы клана, пользовался большим авторитетом и доверием.

Адепты поклонились ему, а управляющий Цзинь, взглянув на запертые двери, нахмурился:

— Глава ещё не вышел?

— Нет, — ответил один из адептов. — С полудня, кроме того бессмертного наставника, ни глава, ни ученик Четырёх Пейзажей не выходили.